

ПОИСК ТЕМЫ

Виктор Чумаков,
писатель и историк

В 1834 году «Журнал Министерства Народного Просвещения» выходил после только что закончившейся войны с Турцией, когда Россия получила возможность свободно проходить проливы Босфор и Дарданеллы.

Очевидно, что это не могло не вызвать прилив патриотизма в российском обществе, о чём, например, свидетельствует принятие 25 декабря 1833 года Государственного гимна «Боже, царя храни!» (музыка Алексея Фёдоровича Львова, слова Василия Андреевича Жуковского).

В Санкт-Петербурге была воздвигнута Александровская колонна — памятник победителю Наполеона Александру I. По проекту Карла Ивановича Росси завершено строительство зданий Сената и Синода. Изобретён в Петербурге Павлом Львовичем Шиллингом фон Конштадтом и продемонстрирован первый в мире электромагнитный телеграф. А в Нижнем Тагиле заработала первая в мире паровая железная дорога, построенная отцом и сыном Ефимом и Мироном Черепановыми. Женился на Наталье Гончаровой Александр Пушкин, но ещё не начал издавать свой журнал «Современник».

Во второй части журнала, а по-нашему — во втором номере (в нём более 600 страниц), в разделе «Высочайшие Повеления» среди 49 Повелений по Министерству Народного Просвещения отмечаем, например, такие: «О передаче Губернских Библиотек под наблюдение Министерства Народного Просвещения», «О пенсиях и единовременных пособиях Законоучителям светских Учебных заведений и их семействам», «О предоставлении воспитанникам Гимназий Дерптского Учебного Округа права на чин 14-го класса за успехи в Русском языке и Словесности». Вот так государь стимулировал изучение русского языка нерусскими прибалтами.

Приводится «Выписка из Положения о гражданских мундирах: описание мундиров по Министерству Народного Просвещения», «О мундирах для Чиновников Румянцевского Музеума, Сибирских Губерний и Закавказского края».

Изобилие Повелений о форменной одежде не оставляет сомнения, что вопросу этому уделялось пристальное внимание. В рескрипте «О форменной одежде для воспитанников Гимназий» сказано: «...иметь мундир тёмно-зелёного сукна с тёмно-синим суконным же воротником, с золотыми или серебряными петлицами из галуна, по Округам. Покрой как мундиров, так и положенных Студентам и воспитанникам сертуков иметь ныне существующий и носить им фуражки суконные тёмно-зелёные с околышком по цвету воротника».

Далее комментарий министерства: «Между тем, прежде нежели сие Положение было обнародовано, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР повелевать изволил, чтобы вместо сертуков в Пансионах трёх С.-Петербургских Гимназий введены были для воспитанников куртки по ВЫСОЧАЙШЕ утверждённому образцу: при чём благоугодно было ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ изъявить согласие и на предположение, чтобы кантики на фуражках воспитанников 1-й здешней Гимназии были красные, 2-й — белые, а 3-й — голубые.

По получении упомянутого Положения г. Министр Народного Просвещения испрашивал ВЫСОЧАЙШЕГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Повеления: 1) оставить ли воспитанникам здешних Гимназий бывшие у них доселе синие мундиры с красными суконными воротниками, из коих на мундирных нашиваются петлицы из галуна, также приготовленные для них синие же куртки с красными воротниками и фуражки с особыми для каждой Гимназии кантиками, или на основании Положения о Гражданских мундирах иметь им впредь форменную одежду тёмно-зелёного сукна с петлицами на синем воротнике и околышком того же цвета на фуражке, наравне с Студентами. 2) В случае ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения на первое предложение не благоугодно ли будет распространить оное вообще на воспитанников

и учеников всех прочих Гимназий, с таким потом распоряжением, чтобы куртки предоставлены были исключительно воспитанникам; вольноприходящие же ученики носили бы вместо того сертуки.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было по сему докладу дать в 27-й день Апреля собственноручную резолюцию: «Согласен; и цвет оставить тёмно-синий вместо тёмно-зелёного».

Здесь стиль батюшки Николая I виден как на ладони. Ничего уж не поделаешь. Яблочко от яблони...

«В Министерских распоряжениях» среди необходимой рутин, как-то: «О дровах и свечах Училищным Чиновникам», о сверхштатных издержках, «Определения и увольнения», о разъездных деньгах, есть и оставившие глубокий и добрый след в нашей истории: «О совокупном изучении Монгольского и Татарского языков в Казанском Университете» и «Об открытии Университета Св. Владимира» в Киеве.

В «Отделении II. Словесность и Науки» видим жемчужины русской культуры, рождённые Её Корифеями.

Здесь первые публикации Николая Гоголя «Отрывок из Истории Малороссии» и «О Малороссийских Песнях». Его работа о песнях публикуется в этом номере без купюр и в орфографии, приближенной к авторской.

В этом же номере «Сказание о Семирамиде» профессора Дерптского университета К.Л. Блума и знаменитая работа профессора Фридриха Клоссиуса «Библиотека Великого Князя Василия IV Иоанновича и Царя Иоанна IV Васильевича».

В статье Клоссиуса на 22 страницах идёт захватывающее повествование об открытии, исследовании, составлении каталога и... исчезновении Сокровища мировой культуры. Читаем.

«Великий Князь Василий Иоаннович в самые первые дни своего правления, осматривая богатства, оставленные ему предшественниками, нашёл множество Греческих книг. Он захотел узнать короче содержание оных; но как не было никого, разумевшего по-гречески, то Великий Князь просил Константинопольского Патриарха прислать человека, который мог бы сделать описание этому книжному сокровищу. Патриарх нашёл в Обители Благовещения на Афоновой горе двух способных для сего дела мужей-иноков: Даниила и Максима, из которых и избрал последнего. Максим, родом албанец, учился Философии и Словесности в Париже у Януса Ласкериса и был совершенно способен для замышляемого труда. В 1506 году прибыл он в Москву и с честью принят Великим Князем и Митрополитом Симоном. Когда Великий Князь показал ему Греческие книги, то Максим, изумлённый великим множеством оных, воскликнул в восторге: «Государь! Вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших Богословов, спасённые моими единоземцами от варваров Магометовых». Великий Князь поручил ему осмотреть Библиотеку и перевести на Славянский язык те книги, которые ещё не были переведены. Максим сделал опись всем ещё не переведённым творениям и вручил оную Великому Князю, который повелел отложить сии книги особо, а перевод начать с Толковой Псалтыри».

Статья завершается так: «Мы должны предположить, что Царь, оставляя Слободу Александровскую, увёз с собой в Москву и свою Библиотеку (если только она была привезена туда из Москвы в 1564 или в 1566 году), и что она погибла во время смутений при Лжедмитриях, может быть, при сожжении Москвы в 1611 году».

Не знаю, грезится ли кому-нибудь ещё, а я надеюсь, что по известному принципу «рукописи не горят» Библиотека не сгорела. И, в частности, мне достоверно известно, что в 70-е годы XX века во время работ в Кремле по укреплению проседавших фундаментов его зданий и храмов несколько тысяч кубометров бетонного раствора было закачено в совершенно не исследованные пустоты в недрах Кремлёвского холма.

Нельзя не обратить внимание на статью профессора, заведующего кафедрой ботаники Московского университета Михаила Александровича Максимовича (3.9.1804 — 10.11.1873) «Явноцветные и Тайноцветные растения». Он был выпускником этого университета, членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук и круг его научных интересов был

очень широк: естествоиспытатель, историк, этнограф, филолог, фольклорист. Будучи с 1834 года профессором кафедры русской словесности в университете Святого Владимира, несколько лет издавал альманах «Киевлянин», в котором публиковались историки М.П. Погодин, С.М. Соловьёв и многие другие. В 1826 году он познакомился с А.С. Пушкиным и их связала долгая дружба и совместная работа. В 1830, 1831 и 1834 годах Максимович издал три выпуска альманаха «Денница», в которых, кроме Пушкина, были опубликованы Евгений Баратынский, Пётр Вяземский, Фёдор Глинка, Антон Дельвиг, Фёдор Тютчев, Николай Языков. Среди многого, что Максимович написал и опубликовал сам, есть, например, «Краткий букварь для русского народа», выдержавший четыре издания

В рубрике «Новости и смесь» привлекает сообщение о книге «Путешествие Иоганна Штраусена с 1647 по 1673 год по Италии, Греции, Московии, Татарии, Персии, Турции, Японии и Ост-Индии». Нас, конечно, в первую очередь привлекает третье путешествие — в Московию, предпринятое по предложению царя Алексея Михайловича, который намеревался при помощи голландцев завести на Каспийском море судоходство. Штраус, вступив в царскую службу, проехал через Москву до Астрахани и описал образ жизни, нравы и поверья московитов. Рецензент пишет: «Разбои Разина, воспрепятствовавшие исполнению благого намерения Царя, дали другое неожиданное направление предприимчивому Штраусу. Спасаясь бегством от свирепости Козаков, он вместе со своими товарищами взят в плен Татарами на берегах Дагестанских и претерпел продолжительное рабство у Татар и у одного Персиянина, которому был продан». Но всё, слава Богу, кончилось благополучно, и книга Штрауса стала уникальным достоверным источником сведений о Русской старине и о весьма примечательной эпохе нашей истории.

В разделе 4 «Разные известия» читаем об обнаружении одним любознательным дворянином всеми заброшенного захоронения «родной сестры Императрицы Екатерины I» около храма Большого Вознесения, где венчался Пушкин, что на улице, называвшейся тогда Царской. И из уст краеведа вырывается горький упрёк родственникам императрицы — Скаронским и Самойловым, что забыли и не ухаживают за могилой.

Печатается сообщение о том, что обнаружена новая комета, а в городе Майнце основано Общество для сооружения памятника изобретателю книгопечатания Гутенбергу.

Государь весьма активно вмешивается в дела народного просвещения: утверждает положения о домашних наставниках и учителях, о дозволении определять при училищах особых бухгалтеров и жестокое дискриминационное положение о необучении солдатских детей, прижитых отцами.

Не отстаёт от монарха и министерство, издаёт распоряжения, касающиеся очень частных вопросов, например, «О разделении должности Учителя Рисования, Черчения и Чистописания в Учебных заведениях С.-Петербургского Округа». Однако немало и «зёрен»: о введении преподавания греческого языка в гимназиях крупных городов — Ярославля, Твери, Тулы, Рязани и других; об экзаменах лицам, желающим занять места учителей в Сибирских гимназиях.

В журнале представлены материалы на различные еврейские темы: «О Духе Еврейской Поэзии» профессора Московского университета Степана Петровича Шевырёва (1806–1864), «Об образе Правления у Хазаров» В. Григорьева, «Евреи в Средних Веках. Историческое исследование политического, коммерческого и литературного их быта, соч. Деннинга», «Еврейские школы в Нидерландах», «Одесское еврейское училище», «Новое Постановление Правительства относительно образования Евреев, живущих в России» и многое другое.

Журнал в третий раз жалуется адъюнкт-профессора С.-Петербургского университета Николая Гоголя публикацией на этот раз статьи «О Средних Веках». Мы надеемся воспроизвести её в последующих выпусках «Народного образования».

Печатается «Известие о разных трудах профессоров». Приведу здесь некоторые.

«В С.-Петербургском Университете адъюнкт-профессор Постельс вместе с флигель-адъютантом Его Императорского Величества капитаном 1-го ранга Фёдором Петровичем Литке (1797–1882) (он стал в 1864 году президентом Петербургской Академии наук) зани-

маются изданием сочинения о путешествии их вокруг Света на шлюпе Сенявине. Профессор Устрялов, издав «Сказания Князя Курбского» в двух томах, готовится к изданию три тома продолжения «Сказаний современников о Дмитрие самозванце»; сверх того занимается сочинением «О военном искусстве древних Россиян до времён Петра Великого».

В Московском университете заслуженный профессор Иван Алексеевич Двигубский (1771 или 1772–1839), продолжая издание «Опыта Естественной Истории Российских животных», напечатал шестую книжку о рыбах; профессор Максимович — «Книгу Наума о великом Божьем мире», «Украинские песни», «коих собрано у него более 1000»; профессор Перовщиков напечатал 9-ю книжку «Ручной математической энциклопедии» и второе издание «Геометрии»; профессор Михаил Петрович Погодин (1800–1875), впоследствии академик, «занимается исследованиями о Русской Истории, преимущественно о периоде Бориса Годунова».

Журнал уделяет большое внимание происходящему за рубежом и публикует: «Краткий обзор хода Наук в Западной Европе в течение первых двух третей 1833 года», «Причина безнравственности во Франции, изъяснённая Виктором Гюго», «Влияние образованности на число Уголовных дел», «Народное просвещение в Швейцарии» и даже «Успехи гражданского образования на Сандвичевых Островах».

Сейчас, по прошествии 170 лет, можно поиронизировать над пристрастием монарха к мельчайшим деталям школьной форменной одежды. Но Николай I глубоко и всесторонне занимался штатами работников просвещения и оплатой их труда.

Принцип «от великого до смешного всего один шаг» находит иногда своё отображение и на страницах журнала. О создателе неевклидовой геометрии великом математике Николае Ивановиче Лобачевском (20.11.1792 — 12.2.1856), например, напечатано: «Г. Управляющий Министерством Народного Просвещения изъявил свою признательность Ректору Казанского Университета Лобачевскому за отличное составление годового Отчёта (3 марта)».

Просвещение читателей журнала по весьма широкому кругу проблем — непрерывная забота его создателей. «Об Истории Славянских Законодательств Марцеёвского» (журнал печатает букву Ё. — В.Ч.), «О пределах, в коих должны быть изучаемы и преподаваемы Права Политическое и Народное», «Указ Царя Бориса Фёдоровича 1602 г. о крестьянах», «Древнейшее изображение Русских Князей XI века, вновь отысканное и представленное ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ» и многое другое.

Журнал иногда помещает иллюстрации, например, «Рисунок самоездной коляски».

В 1836 году журнал Министерства народного просвещения публикует два стихотворения Алексея Васильевича Кольцова (3.10.1809 — 29.10.1842).

Он — «воронежский мещанин, 26 лет от роду, ремеслом прасол, т. е. торгующий скотом. Родители Кольцова не могли дать ему никакого образования, и, пробывши год с небольшим в Уездном Училище, он едва только выучился грамоте; а занятия, ожидавшие его за порогом Учебного Заведения, отнимали средства к утолению жажды, к чтению и Науке, заронённой в душу его самою Природою. <...> Он пейзажист оригинальный, неподражаемый, который в простых группах и очерках, снятых, по-видимому, наудачу с первого попавшегося на глаза предмета, умеет вдохнуть и прелесть, и жизнь, и даже мысль, иногда высокую, но всегда простую и натуральную — черта таланта истинного...».

Приведём здесь «**Песнь пахаря**» и **Думу «Великая тайна»**.

Песнь пахаря

Ну тащися, сивка!
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.
Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.
Весело на пашне;

Ну тащися, сивка!
Я сам — друг с тобою,
Слуга и хозяин.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зёрна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею;
Ну тащися, сивка!
Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зёрнышку сготовим
Колыбель святую.
Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка.
Ну тащися, сивка!
Выйдет в поле травка,
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.
Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжёлых.
Ну тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, Боже,
Хлеб — моё богатство!

Великая тайна (Дума)

Тучи носят воду,
Вода поит землю,
Земля плод приносит;
Бездна звёзд на небе,
Бездна жизни в мире;
То мрачна, то светла,
Чудная природа
Старясь в сомненьях
О великих тайнах,
Идут невозвратно
Веки за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
«Чем кончилось дело?»
«Вопроси другова», —
Каждый отвечает.
Смелый ум с мольбою
Мчится к Провиденью:
Ты поведай мыслям
Тайну сих созданий!
Шлют ответ, вновь тайный,
Чудеса Природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...
Что же совершится

В будущем с Природой?..
О гори, лампада,
Ярче пред Распятъем!
Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва!

В седьмой части журнала (1835 г.) сообщается о посещении императором Новгородской (!) гимназии, «О пробных лекциях Университетских воспитанников, недавно возвратившихся из-за границы». Это последнее, видимо, быстрая реакция на монарший рескрипт «Об испытании молодых Учёных, возвратившихся из чужих краёв».

Не устаёшь поражаться широте тематики журнала. Например, обзор знаменитого впоследствии, а здесь 25-летнего Андрея Александровича Краевского (5.2.1810 — 8.8.1889) «Богословие и Церковная История — Философия — Педагогика», «Беседы, служащие к объяснению образа мыслей и стихотворений Гёте, соч. Гёшеля», «Летопись Нестора, переведённая на Французский язык с печатного Кёнигсбергского списка, Г. Луи Пари», «Литературные разборы и портреты, соч. Сент-Бёва» (буквы Ё в тексте 1835 года стоят. — В.Ч.), «Изучение Египетского письма, гиероглифов и языка, также надписи в Розетте, соч. г. Аббата Графа де Робиано», «Обитаемость Луны», «Новый снаряд для физических опытов» и даже информация об «Обществе для прекращения нищенства в Страсбурге».

Впрочем, на сегодня довольно, простите; продолжим в следующем номере.